

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бакуменко Г.В. Эпистемологический фронтir в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.72190 EDN: ECOXYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72190

Эпистемологический фронтir в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда

Бакуменко Геннадий Владимирович

ORCID: 0000-0002-1661-9428

кандидат культурологии

независимый исследователь

352900, Россия, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Мира, 80, оф. 1

✉ genn-1@mail.ru

[Статья из рубрики "Рубежи и теории познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.72190

EDN:

ECOXYE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Дата публикации:

07-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является эвристический потенциал теоретического конструкта «эпистемологический фронтir», описывающего состояние научного знания в условиях методологического плюрализма. Постнеклассический этап в развитии науки характеризуется сосуществованием понятий об объекте, сформулированных в различных парадигмах и на основе разных теоретических подходов. Культура научной коммуникации, как область созидания, сохранения и освоения научного знания, являющаяся объектом нашего внимания, существенным образом расширяется, включая в себя разные эпистемологические традиции. Поэтому и возникает методическая необходимость включения в орбиту теоретического внимания области научного знания, образующегося между двумя и более несводимых к общему

диалектическому основанию понятий. Цель статьи состоит в раскрытии дескриптивного и эвристического потенциала конструкта «эпистемологический фронтir» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных П. Фейерабендом космологических оснований научного творчества (аристотелевского и современного, посткопернианского). Для достижения поставленной цели в рамках философско-аналитической методологии автор решает две научно-познавательные задачи: формализует конструкт «эпистемологический фронтir» и рассматривает его применимость для понимания философии Фейерабенда. Предложенный автором теоретический конструкт «эпистемологический фронтir», безусловно, нуждается в дальнейшей теоретической критике, в том числе и уточнении пределов его применения. Эвристический же его потенциал состоит, прежде всего в том, что с его помощью можно зафиксировать одновременную справедливость и истинность противоречащих друг другу положений, сформулированных на основе различных теоретических позиций: многомерность истины, даже если она парадоксальна, таким образом, уже не является признаком ложности одного из суждений (такое, безусловно, случается, но не во всех случаях). Существование противоречивых истин (и даже шире — эпистемологий) становится нормой, особенно в сфере социально-гуманитарных наук. К примеру, осмысление наследия отдельных теоретиков культуры советского времени требует сопоставления заявленных ими марксистских позиций с иными подходами, иначе теряется значительная, порою наиболее фундаментальная часть теоретического опыта ученых, мысливших гораздо шире канонизированных марксистско-ленинских доктрина.

Ключевые слова:

Пол Фейерабенд, научное творчество, эпистемологический анархизм, эпистемологический дадаизм, эпистемологический фронтir, эпистемологическое разнообразие, эпистемологическая справедливость, дескриптивный потенциал, эвристический потенциал, культура научной коммуникации

1. Введение

Изобретение альтернатив лежит в основании европейской науки, предложившей способ прересборки социальности на основе концепции научно-технологическое прогресса, сменив религию на социальной лестнице между властью и обществом и существенным образом расширив обыденные представления о реальности посредством секуляризованной системы образования. Такое «привилегированное» положение, по мысли П. Фейерабенда, пагубно для науки [1]. Поскольку ангажированная элитой теоретическая традиция в стремлении сохранить за собой монополию на истину оказывается не заинтересована в пересмотре своих постулатов и к нему неспособна, слепое следование ей относится скорее к форме религиозного самосознания, нежели к системе постижения и освоения рационального знания [2, с. 19–20; 64].

Необходимость экспликации в теоретический дискурс конструкта «эпистемологический фронтir» обусловлена попыткой акцентировать внимание на существенных структурных изменениях трансляции и освоения научного знания в условиях методологического плюрализма, детерминантой которых является эпистемологическое многообразие. Наиболее очевидны эти изменения в гуманитарных науках [3], но не меньшую роль они играют и в освоении естествознания [4–6]. Речь идет о справедливости провозглашенного Фейерабендом сомнения не только в мнимом праве на доминирование

отдельных традиций, как систем представлений, но и в устойчивости их категорий, направляющих творческое мышление в проторённое русло объектива наблюдения [2, с. 53, 69]. Позиция Фейерабенда спровоцировала постановку проблемы эпистемологической справедливости [7; 6]. Проблема охватывает в целом культуру научной коммуникации, которая, с одной стороны, не существует вне паллиатива правил и традиций, а с другой — требует постоянного их пересмотра, оставаясь наиболее динамичной областью презентации научного знания [7–9].

Воспользовавшись метафорой наблюдателя, Фейерабенд выделяет два типа космологий: конечный космос (аристотелевский) и бесконечный (современной науки) [10]. Ключевым отличительным признаком двух типов становится роль ошибки: в первом случае ошибка локализована и не ведет к пересмотру онтологической целостности, во втором — становится постоянным модусом расширения онтологии. Для Фейерабенда существенной остается задача аргументации справедливости (эпистемологического равенства) двух выявленных типов формирования научной картины мира. По существу, речь идет о продуктивности двух типов фундаментальных оснований научно-технического творчества: в логике закрытых (конечных) систем, которой соответствует букинистическая логика-целостность, исключающая ошибку как аномалию, и в логике открытых систем, которой соответствует дискретная логика, где отсутствие ошибки свидетельствует о частном случае (аномалии) фрагмента реальности. Вполне уместно предположить, что если оба из оснований могут дать как положительный, так и отрицательный результат, то и между ними может быть достойный теоретического внимания горизонт событий.

Цель статьи — раскрыть дескриптивный и эвристический потенциал конструкта «эпистемологический фронтir» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных Фейерабенном космологических оснований научного творчества. Для её достижения формализуем конструкт «эпистемологический фронтir» и рассмотрим его применимость для понимания философии Фейерабенда.

2. Теоретический конструкт «эпистемологический фронтir»

Метафора фронтира (горизонта) науки, описывающей некоторую область передовых рубежей, не требует отдельного представления. На её распространность указывают заголовки научной литературы [11; 12], издательского проекта швейцарских нейробиологов и т. д. Подвижной характеристикой обладает и метафора, указывающая на зависящую от точки зрения границу между философией и наукой [13]. Эта метафора широко используется для приблизительного указания на область знания, обладающего двумя противоречивыми характеристиками: с одной стороны, — это предполагаемый значительный эвристический потенциал, способный реализоваться в прорывных технологиях и существенно изменить представления о реальности, с другой — напротив, высокая невостребованность, обусловленная вероятностью преувеличения потенциала. Ключевой парадокс фронтира науки указывает на безразмерность содержания выражающей его метафоры и исключает возможность её категоризации.

Конструкт «эпистемологический фронтir» близок распространенной метафоре, но затрагивает несколько иную дескриптивную область, образующуюся в результате сопоставления двух и более различных понятий или теорий, по-разному характеризующих часть реальности. Несмотря на то, что подобное сопоставление является частью весьма распространенной мыслительной процедуры, сопровождающей общетеоретические методы анализа и синтеза, до последнего времени сама эта

дескриптивная область (некоторое состояние знания, предназначенного для дальнейшего осмыслиения) не получила общепринятого определения. Для её раскрытия представляется возможным адаптировать «тезис фронтира» Ф. Дж. Тёрнера, оживленного российскими теоретиками [14; 15; 16, с. 269–270], поскольку его объектом является некоторая лиминальная область, противопоставленная доминирующей тенденции.

Идея применения конструкта «эпистемологический фронтир» подготовлена дискуссиями о пределах рационального знания.

На ограниченность позитивистского решения классической методологической проблемы, предполагающего перспективу кумулятивного накопления субъектом знаний о объекте, указывал А. Бергсон, подчеркивая парадоксальность дескрипции статичными категориями подвижной (протяженной) реальности [17, с. 206–299]. Обосновывая прагматическую теорию восприятия и трактуя познание как вступление сознания в протяжённость вещей, он, по существу, предвосхищает не только выводы неклассической физики, но и нетривиальные постструктураллистские концепции социологии науки [18; 19], и постнеклассические системные представления [20; 21]. Протяженность реальности предполагает, что дескрипция наиболее точно отражает лишь дискретные её состояния: отношение познания к реальности не ограничивается диалектикой фазового перехода количественных изменений в качественные, что, безусловно, происходит, но далеко не всегда. За пределами логики дескриптивных систем научного знания сохраняется вероятность как ризомных отношений знания к объекту познания [22], что с классической точки зрения равносильно заблуждению или слабо аргументированной теории, базирующейся на гипотетических допущениях, так и многообразия сетевых полимодальных конструкций [19], отражающих относительность детерминированного условиями и инструментами наблюдения знания.

Понятие, как элемент системы научных представлений, описывает некоторый сегмент реальности, выделяя из множества общий и отличительный его признак, попадающей в объектив наблюдения. Но как описать явление большей протяженности, нежели объектив наблюдения?

Одним из решений является принцип комплементарности Н. Бора. Восхищение П. Фейерабенда его позитивистикой не случайно [23–25]. Неклассическая физика опирается на вероятностный анализ физических процессов, преодолевая протяженность реальности, неподдающуюся прямому наблюдению. В результате представление о реальности включает в себя особое эпистемологическое пространство между двумя или несколькими вероятностями и именно в этом, определенном в вероятностных пределах пространстве наше представление смыкается с вероятностью реальности. Представление о реальности в этом её вероятностном промежутке можно зафиксировать и передать лишь с помощью нескольких понятий или множественных величин. Возникает необходимость зафиксировать область наших представлений о реальности в пределах двух или нескольких понятий (двух или нескольких теорий) теоретическим конструктом «эпистемологический фронтир».

Эпистемологический фронтир — это теоретический конструкт, возникающий в результате дескрипции некоторой части реальности, а также двух или нескольких теорий, описывающих реальность, не с помощью единственного конкретного понятия или единой общей категориальной системы, а путем сопоставления двух или нескольких понятий описываемой части реальности, в том числе взаимоисключающих, или двух и более

теорий. Эпистемологический фронтир является особой формой теоретической репрезентации реальности, предполагающей неоднозначность или многогранность, в том числе и недостаточную изученность описываемого объекта. В отличии от распространенной метафоры научного фронтира, эпистемологический фронтир имеет пределы содержания в границах сопоставленных понятий или теорий. В отличии от дескрипции, характеризующей истинностью / ложностью, базовой сущностной характеристикой эпистемологического фронтира является полнота охвата множества понятий (теорий) описываемой части реальности. В отличии от категории понятия, подразумевающей максимальную определенность, эпистемологический фронтир может включать гетерогенные характеристики объекта ввиду проявления его различных свойств в различных средах или в результате существенно отличающихся инструментальных характеристик оптики или условий их наблюдения. Эпистемологический фронтир не обязательно фиксирует определенность некоторой части реальности, но позволяет указать на вероятность проявления её свойств в описанных пределах.

Эпистемологический фронтир, таким образом, акцентирует внимание на протяженности части реальности в ущерб однозначности её описания. Как только при помощи выверенной на опыте теории мы приближаемся к однозначной определенности объекта познания, мы покидаем фронтовую зону вероятностных значений и обнаруживаем один из пределов соответствующего эпистемологического фронтира, однако вероятность промежуточных значений не исключается, а подчеркивается восхождением к иным пределам эпистемологического фронтира.

К примеру, обзор У. Линча инакомыслия и разнообразия [\[7\]](#) один из пределов «серой зоны» эпистемологических фронтов определяет в вопросах, по отношению к которым в науке утвердился консенсус, а альтернативные мнения подвергаются критике с целью отсея наиболее рациональных сомнений в доминирующих трендах. В результате Линч сокращает «серую зону» научных представлений, обнаруживая, что не все альтернативные позиции следует воспринимать всерьез. Линч устанавливает пределы эпистемологического разнообразия и сокращает область эпистемологических фронтов.

3. Эпистемологические фронтры демократического релятивизма

Представленный теоретический конструкт позволяет усмотреть различия теории научно-исследовательских программ [\[26\]](#) и концепции демократического релятивизма [\[2; 10\]](#) в отношении движущих сил развития науки. Если Лакатос наблюдает фронтовую зону отдельных теорий (область эпистемологических фронтов) в их «предохранительных поясах», то Фейерабенд на примере копернианской революции вскрывает историко-культурную обусловленность формирования «жёсткого ядра» фундаментальных допущений в области эпистемологических фронтов. Прогностический потенциал научных теорий, как базовый фактор их конкурентоспособности, остается общим основанием построения эпистемологических моделей у Лакатоса и Фейерабенда, но эпистемологический анархизм предполагает более широкую область инновационного научного мышления за счет отказа от иерархической соподчиненности «жёсткого ядра» и «предохранительных поясов» [\[10, с. 80\]](#). Позиция Лакатоса остается классической в том смысле, что он отстаивает эпистемологическое единство «жёсткого ядра», в то время как его оппонент мыслит неклассически, указывая на равноправие конкурирующих эпистемологических моделей, и предполагает иную природу движущих сил науки: не стремление к усилинию жесткости теоретического ядра, а напротив, стремление к её размыvанию путем преодоления существующих ограничений. Научная картина мира

Фейерабеном мыслится уже в качестве аналитического паллиатива, непосредственно провоцирующего инновации. Понимая и собственную методологическую установку в качестве временного паллиатива, Фейерабенд устанавливает новую цель философии науки — деконструкцию доминирующих традиций.

Фейерабенд в равной мере стоит особняком по отношению к онтологии науки Лакатоса и Т. Куня [27]. И Кун, и Лакатос усматривают в дивергенции общего поля эпистемологии науки, в её расслоении на сложную совокупность частных эпистемологий, временное состояние, требующее конструктивистских усилий для восстановления общей системы. Особенность же позиции Фейерабенда в том, что дивергенция общего поля эпистемологии науки возводится до уровня методологического принципа. Частным случаем, по Фейерабенду, выглядит как раз иерархически организованная система научных представлений, а столкновение частных эпистемологий и их конкуренция составляют общее поле научного поиска. Фейерабенд мыслит поле философии науки как сложную совокупность эпистемологических фронтов, поиск и уточнение пределов которых становится главной целью. Подчеркнем, аналитическая диспозиция двух и более эпистемологий в трудах Фейерабенда нацелена не на деконструкцию отдельных представлений в интересах конструирования одной, а на «оправдание» множества вероятностей. Можно прямо указать, что диспозиция космологий, традиций, наборов норм и правил, исследовательских программ в различных отраслях знания с позиций Фейерабенда не ведет к депривации одних систем в пользу других, но указывает на продуктивность сохранения диспозиций и конкуренции.

В этой связи требует отдельного комментария трактовка Р. Кентом метода Фейерабенда как «философского дадаизма» [28], имеющая свои основания [29, р. 115; 30, р. 294–295]. Конспект эпистемологического фронтира, как временный методический паллиатив, позволяет несколько иначе взглянуть на причину обращения Фейерабенда к диалектическому материализму.

Доводы Кента сводятся к постмодернистской игре Фейерабенда, в которой ирония на более высоком метатеоретическом уровне доминирует над логической стройностью аргументации, провоцируя деконструкцию реальности. Соглашаясь с Кентом в том, что обращение Фейерабенда к обоснованию продуктивности диалектического материализма не носит случайного характера, обратим внимание на образующийся эпистемологический фронт между эпистемологическим анархизмом, не порывающим связи с аналитической традицией, и диалектическим материализмом, отрицающим идеализм в принципе.

Именно парадокс несводимости двух взаимоисключающих философских оснований в общее поле научной картины мира с позиций любой из этих двух традиций вызывает недоумение и дает повод относиться, с одной стороны, к раннему диалектическому опыту Фейерабенда как к интеллектуальной «игре в лошадки», а с другой — отнести к иронии или игре все последующие дебаты Фейерабенда с коллегами по цеху. Собственно, дилеммы не существует, если мы отнесем к интеллектуальной игре все наследие Фейерабенда в его совокупности или же примем демократический релятивизм в качестве временного паллиатива определения границ эпистемологических фронтов в любых существующих или вероятных, т. е. любых возможных перспективах. Для мыслительного эксперимента у нас образуется выбор из трех возможных вариантов: два из них описал К. Поппер, разграничив «открытое общество» и его «врагов», а третий предложил Фейерабенд, усомнившись в возможности выбора одного из предложенных Поппером вариантов. Выбор между «открытым» или «закрытым» попперовскими обществами — это выбор между идеалами, которые на деле представляют собой пределы

эпистемологического фронтира, подразумевающего вероятность реальности как в максимальном приближении к пограничным состояниям, так и между обозначенными границами.

В целом соглашаясь с доводами и выводами Кента, отметим, что философский дадаизм остается для Фейерабенда одним из возможных методических паллиативов, абсолютизация которого входит в противоречие с базовым принципом демократического релятивизма, признающего эпистемологическое равенство в конкурентной борьбе превращения научного знания в преимущество.

Подчеркнем, что теоретический конструкт эпистемологического фронтира остается лишь аналитическим средством, предполагающим вариативность реальности. Но он же позволяет усмотреть и существенные изменения в культуре научной коммуникации, обретшие во второй половине XX в. необратимый характер. Речь идет о том, что, признаем ли мы эпистемологическое разнообразие или отвергаем его в угоду монополии какой-либо конструкции реальности, полученное в результате знание уже не может существовать в единой безальтернативной системе. Оно транслируется по различным каналам дискретно, создавая условия фрагментации реальности. Попытки же пересборки реальности для преодоления её шизоидной фрагментированности ведут к сомнению в системной целостности транслируемых систем знания. Поэтому культура научной коммуникации сегодня представляет собой систему трансляции сложной совокупности эпистемологических фронтов, требующих в каждом конкретном случае уточнения своих пределов.

4. Заключение

Таким образом, если Устрижицкий с коллегами определяет практическую ценность теоретического конструкта «социокультурный фронт» в описании с его помощью подвижной части реальности, т. е. онтологической подвижности реальности, описанной несводимыми диалектически к общим основаниям понятиями, сформированными в различных теоретических традициях [3], то объем знания, заданный в пределах сопоставляемых понятий представляет собой эпистемологический фронт. Речь идет о пределах диалектической логики, которые наиболее очевидны именно в области социально-гуманитарного знания, где такие объекты познания, как: человек, творчество, жизнь, искусство, коммуникация и др. — в принципе в рамках постнеклассической парадигмы не могут быть определены однозначно. При этом принцип эпистемологической справедливости оправдывает существование научного знания одновременно в нескольких парадигмах. Например, с неоклассических позиций оправдана интенция к обобщению и сведению представления о части объективной реальности к конкретному определению и четкому понятию, в то время как постнеклассическая парадигма не отрицает справедливости двух и более различных понятий одного и того же объекта.

Следует обратить внимание, что с конца XX в. не только научные отрасли, но и отдельные дисциплины (например, культурология, политология, коммуникативистика и пр.) апеллируют не к одной единственной теории, а к совокупности теорий, между которыми образуется поле эпистемологических фронтов. От чего общее исследовательское поле такой науки с классических позиций в принципе не может считаться наукой, оставаясь междисциплинарным пространством научного знания. Но если в одних случаях возможна конвергенция и взаимодополнение, то в других случаях диалектический синтез невозможен по принципиальным соображениям. Здесь и возникает пространство эпистемологического фронтира.

Ярким примером раскрытия эпистемологического фронтира является диалогический метод, предложенный в рамках общего поля наук о коммуникации Р. Крейгом [31–33]. Крейг апеллирует к практической ценности успеха коммуникации, даже если его закономерности описаны в различных теоретических подходах, пересекающихся исключительно в общем объекте, но не подразумевающих диалектического синтеза. Однако, практическая ценность эпистемологического фронтира не исчерпывается коммуникативистикой. К примеру, осмысление наследия отдельных теоретиков культуры советского времени (А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин и др.) требует сопоставления заявленных ими марксистских позиций с иными подходами, иначе теряется значительная, порою наиболее фундаментальная часть теоретического опыта ученых, мысливших гораздо шире канонизированных марксистско-ленинских доктрина.

Предложенный автором теоретический конструкт «эпистемологический фронтir», безусловно, нуждается в дальнейшей теоретической критике, в том числе и уточнении пределов его применения. Эвристический же его потенциал состоит, прежде всего в том, что с его помощью можно зафиксировать одновременную справедливость и истинность противоречащих друг другу положений, сформулированных на основе различных теоретических позиций: многомерность истины, даже если она парадоксальна, таким образом, уже не является признаком ложности одного из суждений (такое, безусловно, случается, но не во всех случаях). Существование противоречивых истин, — и шире — эпистемологий, — становится нормой, особенно в сфере социально-гуманитарных наук.

Библиография

1. Feyerabend, P. Democracy, Elitism, and Scientific Method // *Inquiry*. 1980. Vol. 23, No. 1. P. 3–18.
2. Фейерабенд, П. Против метода : Очерк анархистской теории познания / пер. А. Л. Никифорова. М.: ACT; ACT-Москва; Хранитель, 2007. 416 с.
3. Бакуменко, Г.В., Устрижицкий, О.В., Грицкевич, В.П. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронтir» // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2 (77). С. 127–131.
4. Kidd, I.J. Feyerabend on Politics, Education, and Scientific Culture // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2016. Vol. 57. P. 121–128.
5. Niaz, M. Feyerabend's Epistemological Anarchism: How Science Works and its Importance for Science Education. Dordrecht: Springer, 2020. 242 p.
6. Shaw, J. Feyerabend, Funding, and the Freedom of Science: The Case of Traditional Chinese Medicine // *European Journal of Philosophy*. 2021. No. 11. P. 1–27.
7. Lynch, W.T. Minority Report: Dissent and Diversity in Science. London, UK and New York, NY: Rowman & Littlefield, 2020. 380 p.
8. Lakatos I., Feyerabend P. For and Against Method: Including Lakatos' Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 463 p.
9. Kasavin, I., Shipovalova, L. Proliferation Update. Testing the Science and Technology Studies Mainstream Through Current Science's Controversies // *Philosophy of the Social Sciences*. 2022. Vol. 52, No. 5. P. 290–298.
10. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / пер. А. Л. Никифорова. М.: ACT, 2010. 378 с.
11. Science at the Frontiers : Perspectives on the History and Philosophy of Science / Ed. W. H. Krieger. Lanham, Md. ; Plymouth : Lexington, 2011. xiv, 231 p.
12. The Dynamics of Science : Computational Frontiers in History and Philosophy of Science / ed. G. Ramsey, A. de Block. Pittsburgh, Pa. : University of Pittsburgh Press, 2022. 308 p.

13. Frontiers of Science and Philosophy / ed. R. G. Colodny, C. G. Hempel, W. Sellars [and others]. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. 288 p.
14. Басалаева, И.П. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, Ю. А. Мизис [и др.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81–105.
15. Бакуменко, Г.В., Лугинина, А.Г. Виртуализация социокультурного фронтира «Tertius Romaе» // Журнал фронтовых исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 265–293.
16. Синельникова, Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24, № 2. С. 467–492.
17. Бергсон, А. Творческая эволюция / пер. М. Булгакова // Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 8–412.
18. Callon, M., Law, J., Rip, A. Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. Basingstoke: Macmillan, 1986. 260 р.
19. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
20. Stepin, V. Historical-Scientific Reconstructions: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge // *Social Sciences*. 2018. Vol. 49, No. 1. P. 58–68.
21. Буданов, В.Г., Аршинов, В.И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевого мышления. Курск: Университетская книга, 2022. 129 с.
22. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.
23. Feyerabend, P. Niels Bohr's Interpretation of the Quantum Theory // Current Issues in the Philosophy of Science: Symposia of Scientists and Philosophers, (Proceedings of Section L of the American Association for the Advancement of Science, 1959.) / ed. H. Feigl, G. Maxwell. New York, NY: Holt, Rinehart & Winston, 1961. P. 371–390.
24. Feyerabend, P. Problems of Microphysics // *Frontiers of Science and Philosophy* / ed. R. G. Colondy. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1962. P. 189–283.
25. Feyerabend, P.K., MacKay, D.M. Complementarity // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1958. Vol. 32, No. 1. P. 75–122.
26. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. В. Поруса. М.: Медиум, 1995. 236 с.
27. Кун, Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. М.: ACT; ACT-Москва, 2009. 320 с.
28. Kent, R. Paul Feyerabend and the Dialectical Character of Quantum Mechanics: A Lesson in Philosophical Dadaism // International Studies in the Philosophy of Science. 2022. Vol. 35, No. 1. P. 51–67.
29. Feyerabend, P. Theses on Anarchism // For and Against Method / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. P. 113–118.
30. For and Against Method / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini, Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999. 459 p.
31. Craig, R.T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9, No. 2. P. 119–161.
32. Craig, R.T. Pragmatist realism in communication theory // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 115–128.
33. Craig, R.T. Welcome to the metamodel: A reply to Pablé // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 101–108

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Эпистемологический фронтir в культуре научной коммуникации после Поля Фейерабенда»

Предметом исследования данной статьи является эпистемологический фронтir как теоретический конструкт, возникающий в результате дескрипции некоторой части реальности, а также двух или нескольких теорий, описывающих реальность, не с помощью единственного конкретного понятия или единой общей категориальной системы, а путем сопоставления двух или нескольких понятий описываемой части реальности, в том числе взаимоисключающих, или двух и более теорий. Автор обращается к подходу П. Фейерабенда, который стал известен благодаря своим анахристским взглядам на процесс научного познания.

В работе использованы метод категоризации, дескриптивный метод, метод анализа, сравнительный метод. Автор аргументированно сопоставляет методологические подходы И. Лакатоса, Т. Куна и П. Фейерабенда в построении эпистемологических моделей.

Актуальность работы определяется тем, что эпистемологический фронтir как особая форма репрезентации реальности, предполагает неоднозначность, многогранность и недостаточную изученность описываемого объекта. Автор подчеркивает необходимость экспликации в теоретический дискурс конструкта «эпистемологический фронтir» обусловлена попыткой акцентировать внимание на существенных структурных изменениях трансляции и освоения научного знания в условиях методологического плюрализма, детерминантой которых является эпистемологическое многообразие. Речь идет о справедливости провозглашенного американским философом П. Фейерабенном сомнения не только в мнимом праве на доминирование отдельных традиций, как систем представлений, но и в устойчивости их категорий, направляющих творческое мышление в проторённое русло объектива наблюдения

Научная новизна работы выражается в рассмотрении дескриптивного и эвристического потенциала конструкта «эпистемологический фронтir» для изучения горизонта событий между предельными значениями обозначенных Фейерабеном космологических оснований научного творчества. Для её достижения формализован конструкт «эпистемологический фронтir» и рассмотрена его применимость для понимания философии П. Фейерабенда. Данный конструкт затрагивает дескриптивную область, которая образуется в результате сопоставления двух и более различных понятий или теорий, по-разному характеризующих часть реальности.

Идея применения конструкта «эпистемологический фронтir» подготовлена дискуссиями о пределах рационального знания, который позволяет усмотреть различия теории научно-исследовательских программ и концепции демократического релятивизма в отношении движущих сил развития наук. П. Фейерабенд на примере копернианской революции вскрывает историко-культурную обусловленность формирования «жёсткого ядра» фундаментальных допущений в области эпистемологических фронтиров, его эпистемологический анархизм предполагает более широкую область инновационного научного мышления за счет отказа от иерархической соподчиненности «жёсткого ядра» и «предохранительных поясов». Фейерабенд мыслит поле философии науки как сложную совокупность эпистемологических фронтиров, поиск и уточнение пределов которых становится главной целью. Автор подчеркивает, что некоторые гуманитарные науки апеллируют не к одной единственной теории, а к совокупности теорий, между которыми образуется поле эпистемологических фронтиров. Соответственно, общее исследовательское поле такой науки с классических позиций в принципе не может

считаться наукой, оставаясь междисциплинарным пространством научного знания.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Содержание статьи соответствует названию и разделам. Выводы статьи обоснованы, логически вытекают из приведенных аргументов. Но некоторые предложения слишком громоздки, что затрудняет понимание.

Библиография статьи включает 33 библиографических источников, но в ней не так много научных исследований последних лет.